

**ЗАМЕЧАНИЯ ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ
НАУКЕ В АНТИЧНОСТИ (ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ)**

Аннотация: В статье рассматриваются основные факторы появления исторической науки (именно как науки, предполагающей исследование, а не простую констатацию фактов) в Греции на рубеже архаической и классической эпох. Отмечаются факторы как самого общего характера (рождение «греческого чуда»), так и более конкретные: возникновение прозы как литературного жанра, складывание общих исторических взглядов (начиная уже с Гомера и Гесиода), формирование представления о единстве исторического процесса и умения описывать это единство, создание техники рационального мышления и его словесного выражения. Ставится также вопрос о взаимоотношениях между ранней греческой историографией и риторикой.

Ключевые слова: античная Греция, историография, историческая мысль, историческая наука, ранние историки, Геродот, Фукидид, Ксенофонт, риторическая историография.

Abstract: The article deals with the major factors of emergence of historical science (exactly as science, which presupposes investigation rather than a pure appraisal of facts) in Greece on the verge of Archaic and Classical periods. The author mentions factors of the most general character (the birth of the “Greek miracle”) as well as more concrete ones: emergence of prose as a literary genre, formation of general historical views (beginning already from Homer and Hesiod), of notions of unity of the historical process and abilities to describe that unity, creation of techniques of rational thinking and its verbal expression. In the article, a question is also posed on mutual relations between early Greek historiography and rhetoric.

Key words: Ancient Greece, historiography, historical thought, historical science, early historians, Herodotus, Thucydides, Xenophon, rhetorical historiography.

Тот факт, что история как наука зародилась именно в рамках античной цивилизации¹, можно считать абсолютно непреложным. Оговорим сразу, что это, конечно, не входит в противоречие с другим фактом – с тем, что история как нарратив существовала и ранее, на Древнем Востоке². Но с греками (и пошедшими по их пути римлянами) произошел в полном смысле слова прорыв на данном поле; ситуа-

¹ Или античных цивилизаций? К вопросу о том, были ли древнегреческая и римская цивилизация двумя разными или же частями одной и той же, см. (с перечислением авторитетных мнений в пользу как того, так и другого решения вопроса): Суриков И.Е. Камень и глина: К сравнительной характеристике некоторых ментальных парадигм древнегреческой и римской цивилизаций // Сравнительное изучение цивилизаций мира (междисциплинарный подход). М., 2000. С. 273–288.

² См., в частности, данные, содержащиеся в коллективном труде: Thinking, Recording, and Writing History in the Ancient World / Ed. by K.A. Raafaub. Oxf., 2014.

ция в корне изменилась. Собственно, автору этих строк и ранее приходилось уже писать об этом³, а здесь нам хотелось бы не повторяться и уж тем более не изрекать банальности, а обратить внимание на какие-то новые аспекты рассматриваемой проблематики (хотя нельзя будет обойтись совсем уж без повторений, – точнее, без констатации в каких-то случаях моментов, которые ранее уже отмечались – нами ли, другими ли).

Такой крупный специалист по древнегреческой историографии, как Арнальдо Момильяно, вообще считал, что она возникла как бы «в пику» восточной (конкретно – персидской)⁴. Это, может быть, слишком сильно сказано, но, во всяком случае, трудно отрицать, что между древневосточным историописанием и историописанием античным существует значительное, даже контрастное различие: последнее является от своего начала исследовательским (и тем самым научным) в отличие от первого – чисто описательного.

Непреложность факта не отменяет его парадоксальности. Нюанс, в первую очередь приводивший в удивление современных ученых, заключается в следующем: каким это образом научная дисциплина истории – дисциплина, трактуемая, в общем-то, о времени и об изменениях во времени, – рождается в рамках цивилизации эллинов, которой, в сущности, в куда большей степени присущ «пространственный», нежели «временной» модус⁵. В данной связи говорят подчас об «аисторичности» античного сознания, античного мироощущения (в первую очередь опять же имея в виду греков)⁶.

Попытки оспорить весьма авторитетную концепцию, о которой здесь идет речь, – то есть ту, согласно которой греки являются «отцами истории», несмотря на не слишком ярко выраженный в их мироощущении историзм, – осуществляются, так сказать, по двум фронтам. С одной стороны, критикуется представление о пресловутой «аисторичности» эллинской цивилизации⁷. Критика эта верна только то-

³ Суриков И.Е. Очерки об историописании в классической Греции. М., 2011 (итоговая работа автора по этой теме, составившаяся из его статей разных лет).

⁴ Momigliano A. *Essays in Ancient and Modern Historiography*. Oxf., 1977. P. 25–35.

⁵ Формулировка С.С. Аверинцева. См.: Аверинцев С.С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996. С. 36 сл. В том же духе писало множество ученых, наших и зарубежных, современных и не очень. Несколько примеров: Карсавин А.П. *Философия истории*. СПб., 1993. С. 214 (с некоторыми оговорками); Коллингвуд Р.Дж. *Идея истории. Автобиография*. М., 1980. С. 19 сл.; Бычков В.В. *Эстетика поздней античности (II–III века)*. М., 1981. С. 22–23 (с литературой по проблеме). Да не сильно разнятся и мысли, высказываемые в: Лосев А.Ф. *Античная философия истории*. М., 1977. В сущности, родоначальники данной идеи – Ницше и Шпенглер.

⁶ Римлян в «аисторичности», кажется, никто не упрекает. Собственно, их основной миф, «римский» миф был насквозь историчным по ощущению реальности. Впрочем, о римлянах и их историках здесь не будет говорить.

⁷ Напр.: Шичалин Ю.А. *Античность – Европа – история*. М., 1999. С. 137 сл.; Строецкий В.М. *Становление исторической мысли в Древней Греции и*

гда, когда она направлена против *крайностей* опровергаемого воззрения (а крайности, само собой, в полемическом пылу допускаются всеми участниками дискуссии).

С другой стороны, есть и попытки показать, что «родина науки истории» – все-таки не Греция, а Ближний Восток⁸. Но это опять же происходит в силу недоразумения, которое вполне снимается, если учитывать то, что было сказано выше, в первых абзацах данной статьи, о необходимости различать историю как нарратив (таковой действительно присутствует в любой древневосточной хронике) и историю именно как науку, как исследование (в высшей степени характерно, что античной историографии, во всяком случае доэллинистического времени, до «греко-восточного синтеза», хронографическое начало отнюдь не было присуще⁹).

Итак, есть смысл поискать – хотя бы в самых общих чертах – решение обозначенного выше парадокса. Уже сразу можно сказать, что у эллинов, с их ярко выраженным агональным духом, чрезвычайно сильным было желание искать, познавать, исследовать, изучать буквально всё-всё на свете. Одним из самых выразительных персонажей их мифа и эпоса (и чуть ли не в наибольшей степени отразившим «эллинический дух») является полúτροπος Одиссей¹⁰, который, например (специально указываем на эпизод особенно рельефный в нашем контексте), приложил все усилия, дабы суметь-таки – единственным из людей! – услышать пение сирен и при этом остаться в живых (Hom. Od. XII.154 sqq.).

Вряд ли стоит лишний раз напоминать, что сам термин *ιστορία* в своем первоначальном значении, как он сложился еще в архаическую эпоху, имел смысл именно «исследования», «расследования», даже, можно сказать, «следствия». Притом имелось в виду совершенно не обязательно исследование прошлого – своего или чужого; лексема могла применяться к чему угодно. Еще Аристотель и Феофраст в конце классической эпохи вводят слово *ιστορία* в заголовки своих работ по зоологии, ботанике¹¹. А, скажем, Фукидид, который хотел подчеркнуть свое резкое отличие от предшествующих авторов с их широким тематическим размахом и показать, что ему интересна только одна сфера, военно-политическая, сознательно (скорее всего, просто-таки «в пику»

возникновение классической греческой историографии: Геродот, Фукидид, Ксенофонт. Ч. 1: Геродот. Н. Новгород, 2010. С. 19 слл.

⁸ Наиболее характерный пример: *Вейнберг И.П.* Рождение истории: Историческая мысль на Ближнем Востоке середины I тысячелетия до н.э. М., 1993 (с преимущественной апелляцией к ветхозаветным текстам).

⁹ *Суриков И.Е.* Очерки об историописании... С. 11 слл.

¹⁰ К характеристике этой фигуры в интересующем нас ключе см., напр.: *Malkin I.* The Returns of Odysseus: Colonization and Ethnicity. Berkeley, 1998; *Dougherty C.* The Raft of Odysseus: The Ethnographic Imagination of Homer's *Odyssey*. Oxf., 2001; *Montiglio S.* From Villain to Hero: Odysseus in Ancient Thought. Ann Arbor, 2011.

¹¹ В сущности, наследник той же традиции – Плиний Старший с его *Historia naturalis*.

Геродоту)¹² назвал свой труд не Ἱστορία, а Συγγραφή. Как бы то ни было, грекам – этим прирожденным исследователям – просто не могло в какой-то момент не прийти в голову, что исследование можно распространить и на тему развития человеческих обществ, сопутствующих этому развитию событий и процессов (то есть на историю, как мы ее ныне понимаем).

* * *

«Отцом истории», как известно, называют Геродота. Причем «окрестили» его так уже в самой античности¹³. С подобным эпитетом галикарнасец появляется, в частности, у Цицерона (Cic. De leg. I. 1. 5) – у того самого Цицерона, который пропел так всем известный вдохновенный «гимн» исторической дисциплине: «А сама история – свидетельница времен, свет истины, жизнь памяти, учительница жизни (magistra vitae – особенно хрестоматийная формулировка – И.С.), вестница старины...» (Cic. De or. II. 9. 36).

Правомерна ли подобная оценка Геродота? Строго говоря, мы этого не знаем, поскольку он – первый из авторов, от которого до нас дошел *целиком сохранившийся* исторический труд (от более ранних сохранились лишь фрагменты). Совершенно нельзя исключить, что, имея мы в своем распоряжении труды Гекатея Милетского, именно его-то мы и признали бы (пусть даже вопреки Цицерону) подлинным «отцом истории» (или, коль скоро уж на то пошло, «праотцем истории», раз Геродот – ее «отец»?).

Геродот на самом деле стоял не в начале, а в конце некой традиции – традиции ионийского историописания (не случайно он и писал на ионийском диалекте, хотя и был дорийцем), которую можно определить как первую античную историографическую школу (подобно тому, как ионийская же философская школа стала первой в античной и вообще западной философии). Он, повторим и подчеркнем, завершил эту традицию, взяв из нее всё лучшее, как бы суммировал ее достижения¹⁴. Следующий историк, Фукидид (хотя в чисто личном плане он лишь на поколение моложе Геродота и лично знал его), выступает

¹² О Фукидиде как антагонисте и критике Геродота см.: Суриков И.Е. Очерки об историописании... С. 60 сл., 161 сл. (со ссылками на предшествующую литературу по вопросу).

¹³ В отличие, например, от выражений «Эсхил – отец трагедии» или «Аристофан – отец комедии», которые в античности не употреблялись. Они встречаются у Маркса (уж не знаем, сам ли он их придумал или у кого-нибудь позаимствовал) и явно выкованы по модели «Геродот – отец истории», но и только. Греки и римляне прекрасно знали, что Эсхил не был первым трагедиографом, а Аристофан – первым комедиографом.

¹⁴ Эта мысль подробнее, с аргументацией развита в статье: Суриков И.Е. «В круге первом»: Появление древнейших памятников европейского историописания (Греция VI–V вв. до н.э.) // Древнейшие государства Восточной Европы. 2013 год. Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья. М., 2016. С. 168–202.

уже как зачинатель новой, аттической традиции историописания – во многом иной¹⁵.

Таким образом, в поисках истоков исторической науки мы должны обратиться к позднеархаическому периоду¹⁶, а конкретно – к VI в. до н.э. Неизбежен вопрос о предпосылках, которые привели к ее возникновению, и вопрос этот заслуживает того, чтобы остановиться на нем максимально подробно.

Поскольку история – один из продуктов «греческого чуда», то можно говорить, прежде всего, о предпосылках самого общего порядка – тех, которые запустили механизм самого этого «греческого чуда» (не было бы его – не было бы и античных историков). Здесь весьма значимы соображения А.И. Зайцева, высказанные в его – не побоимся этого слова – классической книге¹⁷. Они, в сущности, сводятся к тому, что главную роль в интересующем нас процессе сыграли два фактора: агональный дух эллинов *плюс* общественная престижность творческой деятельности. Пожалуй, следует только оговорить, что престижной была именно *интеллектуальная* творческая деятельность, а не любая¹⁸. Представители изобразительных искусств (скульпторы, живописцы) большим уважением не пользовались (за редкими исключениями), воспринимались фактически как высококвалифицированные ремесленники. Совсем другое дело – люди, имевшие дело со словом (даже скажем так – со Словом, в самом широком значении, которое присутствует в греческом *λόγος*). Историки к таковым, бесспорно, относились, и авторитет со стороны соотечественников был им обеспечен. Тот же Гекатей был одной из самых влиятельных персон в Ионии (Hdt. V.36, 125–126).

Но мы перейдем теперь к предпосылкам более конкретного характера. Отнюдь не претендуем на то, что перечислим их исчерпывающим образом, однако же, наиболее важные и очевидные постараемся упомянуть.

1) История (во всяком случае, в античности) – это, помимо всего прочего, прозаический литературный жанр¹⁹. Уже у Аристотеля (Arist.

¹⁵ А. Момильяно пишет о «геродотовской» и «фукидидовской» традициях в греческой историографии: *Momigliano A. The Classical Foundations of Modern Historiography*. Berkeley, 1990. P. 29 ff.

¹⁶ Для его общей характеристики (правда, в других аспектах) см.: *Суриков И.Е. Греческая архаика как историческая эпоха: современный взгляд. Вторая половина (VII–VI вв. до н.э.) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 5. С. 52–63.*

¹⁷ *Зайцев А.И. Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н.э. 2-е изд. СПб., 2001. С. 150 сл.*

¹⁸ *Суриков И.Е. Полис, логос, космос: мир глазами эллина. Категории древнегреческой культуры. М., 2012. С. 213 сл.* В этой книге разбирается, по большому счету, тот же феномен, что и в монографии А.И. Зайцева, но с несколько иных точек зрения.

¹⁹ Имелись, конечно, исключения. Относительно недавно, в 1992 г., были опубликованы открытые на папирусе фрагменты исторической поэмы Симонида Кеосского о Платейской битве 479 г. до н.э. Эти стихи, произведшие на специалистов просто-таки ошеломляющее впечатление, ставят наши пред-

Poet. 1451b1 sqq.) историописание противопоставляется поэзии, причем не в пользу первого. Иными словами, для того, чтобы началось складывание исторической прозы, вначале должна была появиться проза как таковая²⁰.

Проза же появилась на древнегреческой (как, наверное, и на любой) почве позже, чем поэзия, а именно в VI в. до н.э.²¹ Первым прозаиком принято считать философа Анаксимандра, творившего в первой половине означенного столетия, и, видимо, это мнение верно, коль скоро учитель Анаксимандра – знаменитый Фалес – сам еще ничего не писал и излагал свое учение в устной форме. От труда Анаксимандра, правда, сохранился лишь один аутентичный фрагмент – очень выразительный²², многократно привлекавший к себе внимание исследователей. Мартин Хайдеггер называет его «древнейшим изречением западного мышления»²³.

Несколько позже, во второй половине VI в. до н.э., появились прозаические же труды генеалогов и мифографов – Акусилая Аргосского, Ферекида Сиросского²⁴, полумифического Кадма Милетского и др. Это, в сущности, уже некая «протоистория»²⁵, почва, на которой выросли Гекатей и позже Геродот.

2) К моменту появления первых исторических трудов должны были оформиться, утвердиться те или иные взгляды на общий характер эволюции человеческого общества. Таковые взгляды в принципе могут существовать в трех вариантах: признается либо прогресс (путь «по восходящей»), либо регресс (путь «по нисходящей»), либо имеет место циклизм (представление о движении, так сказать, по кругу, о «вечном возвращении», как позже сформулировал Ницше).

Уже в архаической Греции мы встречаем в той или иной форме, как минимум, «прогрессистскую» и «регрессистскую» концепции. С одной стороны, в гомеровских поэмах есть наблюдения о постепенном

ставления о зарождении эллинского историописания во многом в новую перспективу (данным фрагментам Симонида посвящена коллективная монография: *The New Simonides: Contexts of Praise and Desire* / Ed. by D. Boedeker, D. Sider. Oxf., 2001).

²⁰ Об общем историко-культурном значении возникновения прозы в Греции в VI в. до н.э. см.: *Шичалин Ю.А.* 'Επιστροφή, или Феномен «возвращения» в первой европейской культуре. М., 1994. С. 37 слл.

²¹ Об этом феномене в целом см.: *Kahn С.Н.* *Writing Philosophy: Prose and Poetry from Thales to Plato* // *Written Texts and the Rise of Literate Culture in Ancient Greece*. Cambr., 2003. P. 139–161.

²² См. перевод с нашими объяснениями: *Суриков И.Е.* *Философско-юридические концепции торговли и денежного обращения у греческих мыслителей архаической и классической эпох* // *Древнее право*. 2014. № 2 (30). С. 12.

²³ *Хайдеггер М.* *Разговор на проселочной дороге: Избранные статьи позднего периода творчества*. М., 1991. С. 28.

²⁴ Которого не следует путать с Ферекидом Афинским, который работал несколько позже, в первой половине V в. до н.э., но, впрочем, оставался в рамках той же «протоисторической» традиции.

²⁵ См. в данной связи: *Fowler R.* *Herodotus and his Prose Predecessors* // *The Cambridge Companion to Herodotus*. Cambr., 2006. P. 29–45.

«взращании» человечества от стадии варварства к цивилизации и государственности. Обратим внимание, в частности, на описание быта циклопов в «Одиссее». Свирепые циклопы не знают права и законов, не собираются на сходки, и каждый живет по отдельности. У них нет ни ремесел, ни торговли, ни мореплавания. Циклопы не пахут и не сеют; их основное занятие – скотоводство. Между прочим, как раз во времена Гомера в Греции происходил переход от скотоводства (являвшегося основным занятием в период «Темных веков») к земледелию; соответственно, в основу питания людей ложились вместо мяса хлебные продукты. Судя по всему, поэт и в этом видел важный признак цивилизованности. Не случайно у него Полифем, циклоп-пастух, разводящий овец и коз, даже по внешнему виду «несходен... с человеком, вкушающим хлеб».

С другой стороны, Гесиод в «Трудах и днях» дает вполне разработанную схему исторического развития, первую в европейской культуре. Это – концепция последовательно «регрессистская», базирующаяся на характеристиках нисходящих «поколений» или «веков» – от золотого до железного. Несколько выбивается из данной схемы, в целом довольно стройной, «героический век», лежащий между медным и железным. Причина такого отклонения является предметом дискуссий²⁶. Но в целом в глазах Гесиода история человечества – это почти непрерывный регресс, особенно в этическом плане. Пессимистическое представление о регрессивных путях истории, выдвинутое поэтом, впоследствии оказалось весьма распространенным в древнегреческой мысли.

3) Должно было постепенно устояться представление о единстве исторического процесса, а вместе с ним – и умение описывать это единство. Это умение складывалось не сразу, постепенно. Вполне закономерно, что многие из древнегреческих историков самого первого поколения, предшественников Геродота, занимались, в сущности, локальным историописанием²⁷. Для этой «когорты» Гекатей, мысливший более широко, был скорее исключением, чем правилом. Кстати, жанр локальной историографии и в дальнейшем у греков имел достаточно широкое распространение. Ярким его проявлением, стала, например, аттидография (включавшая труды по истории Аттики и Афин), возникшая в конце V в. до н.э. и затем процветавшая в IV–III вв. до н.э.²⁸

²⁶ Лучший разбор проблемы: Vernant J.-P. *Myth and Thought among the Greeks*. L., 1983. P. 33–72.

²⁷ Ср.: Balcer J.M. *Herodotus & Bisitun*. Stuttgart, 1987. P. 24–26.

²⁸ Важнейшим трудом по аттидографии и поныне остается: Jacoby F. *Atthis: The Local Chronicles of Ancient Athens*. Oxf., 1949. Хорошее дополнение к нему – детальный комментарий того же Ф. Якоби к фрагментам аттидографов: Jacoby F. *Die Fragmente der griechischen Historiker*. Teil 3b. *A Commentary on the Ancient Historians of Athens*. Vol. 1–2. Leiden, 1954. Исследование Якоби отнюдь не было превзойдено (да этот ученый по своей скрупулезности и вообще вряд ли будет когда-нибудь кем-нибудь превзойден) относительно новой книгой: Harding Ph. *The Story of Athens: The Fragments of the Local Chronicles of Attika*. L.; N.Y., 2008. Для первичного ознакомления с аттидогра-

Но этот феномен локальных, или региональных, исторических исследований был, в общем-то, повсеместным. Ясно, что историки, жившие в полисах Сицилии, писали в основном о прошлом Сицилии; то же самое можно сказать об историках, творивших, скажем, на Боспоре Киммерийском, или в Византии, или... где угодно.

Толчком к пониманию внутреннего единства истории стали Греко-персидские войны, побудившие Геродота создать общую концепцию исторического процесса как искони идущего противостояния Запада и Востока, эллинов и «варваров». Позже представление о «смысле истории» многократно модифицировалось (уже у Фукидида оно иное по сравнению с Геродотом; «варварская» тема в его труде не играет практически никакой роли), но, тем не менее, важен уже сам тот факт, что отныне, с Геродота, можно говорить о пресловутом «смысле истории», в чем бы он ни заключался. Не было бы Геродота – не было бы, скажем, и К. Ясперса: именно у этого последнего особенно часто упоминается «смысл истории»²⁹, именно он ввел понятие «осевого времени», ныне достаточно широкоупотребительное.

Кстати, то самое единство исторического процесса Геродот великолепно описывает с помощью такого приема, как регулярная смена ракурса и, так сказать, масштаба изображения (крупный – мелкий). Читая его, мы оказываемся то в «варварском», то в греческом мире, то знакомимся с перипетиями расширения колоссальной Персидской державы, то вникаем в какие-нибудь предельно узкие, специальные вопросы, связанные с каким-нибудь конкретным эллинским полисом...

4) Должна была сложиться достаточно строгая техника рационального мышления и его словесного выражения. Прежде всего речь идет, конечно, о механизме причинно-следственных связей, ключевом для понимания исторических процессов. Сам же этот механизм был впервые осознан, полагаем, философами³⁰, а от них получен историками, которые стали развивать соответствующие представления в той сфере знания, в которой они работали. Опять же, наверное, не случайно-таки, что и родиной философии, и родиной историографии была Греция (а более конкретно – Иония). Мы даже осмелились бы предположить, что роль «передаточного звена» сыграл иониец Гекатей Милетский.

фией полезна также работа: *Pearson L. The Local Historians of Attica. Repr.ed. Ann Arbor, 1981.*

²⁹ См. хотя бы: *Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991.*

³⁰ Выше упоминался единственный дошедший до нас фрагмент Анаксимандра. Чрезвычайно характерно, что в этом фрагменте, «первом изречении западного мышления» (М. Хайдеггер), речь идет именно о причинно-следственных связях: «А из каких [начал] вещам рождение, в те же самые и гибель совершается по роковой задолженности, ибо они выплачивают друг другу правозаконное возмещение неправды [= ущерба] в назначенный срок времени» (Anaximandr. fr. 1 DK; пер. А.В. Лебедева). Интересные соображения в связи с зарождением подобного типа мышления см.: *Seaford R. Money and the Early Greek Mind: Homer, Philosophy, Tragedy. Cambr., 2004. P. 190 ff.*

Уже для Геродота вопрос о причинах – один из важнейших. Он, собственно, и начинает свой труд с того, что декларирует: нужно понять, почему (δι' ἧν αἰτίην) эллины и «варвары» вели войны друг с другом (Hdt. I. prooem.). В этом-то как раз ему следует и Фукидид, хотя в целом ряде других отношений он, как мы знаем, отнюдь не пошел по пути своего великого предшественника.

* * *

В связи с техникой словесного выражения, о которой упоминалось чуть выше, уместен вопрос: необходима ли была античному историку также и риторическая выучка? С какого-то момента – безусловно, но, подчеркнем, не с самого начала.

Вряд ли нужно специально разъяснять, какую роль сыграла риторика – с созданными ею приемами, парадигмами, да и просто определенным видением мира – во всей культурной жизни античной цивилизации. Роль эта была мало с чем сопоставимой. Однако необходимо констатировать и то, что риторика родилась в совершенно конкретное время (во второй половине V в. до н.э.) и была создана старшими софистами (ее «отцы» – Горгий, Протагор, Антифонт). Риторика изначально несла на себе отпечаток того релятивизма, который был в принципе характерен для софистического движения; риторика – это как бы «релятивистская философия».

Подобного релятивизма, выработанного ранней софистической риторикой, мы не найдем у до-геродотовских историков («логографов», как их часто и совершенно неверно называют). Они прямы и искренни. Начало труда Гекатея авторы римского времени цитировали как образчик самого простого, «непериодического» (то есть, в сущности, не подвергнувшегося влиянию риторики) стиля (Demetr. De eloc. 12).

По большому счету, риторического влияния мы не встретим даже и у самого Геродота. Да, он жил уже во времена софистов, а с Протагором, не приходится сомневаться, был и лично знаком (оба участвовали в основании Фурий) – но это как-то не очень повлияло на систему его воззрений, оставшуюся в своей основе весьма традиционалистской, консервативной. Той же системой он пользуется и при выражении своих мыслей.

В сущности, первый историк, подвергшийся сильному влиянию риторики, – это Фукидид. Он являлся учеником Антифонта – очень яркой фигуры в афинской культуре V в. до н.э., оратора, философа-софиста, политика, крупного специалиста в области права (что в Греции было редкостью)³¹. Однако же та риторика, которую мы встречаем у Фукидида, – это, мы сказали бы, элитарная риторика, понятная лишь немногим. Всем известна чудовищная трудность манеры изложения Фукидида, делающая многие места его труда практически не поддающимися адекватному переводу на иные языки. Не то, чтобы

³¹ Об Антифонте см.: Суриков И.Е. Судьба оппозиционного интеллектуала: афинянин Антифонт – оратор, софист, правовед, политик // ВДИ. 2014. № 2. С. 13–33 (итоговая работа автора, обобщившая результаты большого количества его более ранних статей о том же Антифонте).

трудно было понять, о чем говорит в том или ином пассаже историк Пелопоннесской войны, – а, скорее, трудно это понятое выразить, передать. При чтении Фукидида – именно его по сравнению с другими античными авторами – особенно часто припоминается известное тютчевское: «Мысль изреченная есть ложь».

Так вот, это как раз «антифонтовское» наследие. Отмечалось, что язык и стиль Фукидида ни с чем не сопоставимы во всей античной литературе, кроме как с языком и стилем произведений Антифонта, – причем не всех, а только ранних (трактата «Об истине», «Тетралогий»)³².

Практически одновременно с элитарной риторикой Антифонта и Фукидида³³ возникла и риторика популярная, риторика Горгия, «риторика как магия»³⁴, зачаровывающая, завораживающая аудиторию, воздействующая не на разум, а на эмоциональную сферу. Могла ли греческая историография избежать ее влияния? Нет, не могла. Но она подпала под мощное риторическое воздействие несколько позже, а именно в IV в. до н.э., когда и в целом в интеллектуальной жизни эллинов наблюдается скатывание к «массовой культуре», коррелирующее с политической деградацией в полисном мире той же эпохи.

Исократ, ученик Горгия, несколько «рафинировавший» его очень скользкие идеи, запустил свою программу образования, в рамках которой во главу угла для любого потенциального интеллектуала ставилась именно риторика³⁵. Не удивительно, что среди учеников Исократы были и историки – Эфор и Феопомп, главные представители «риторической школы» в древнегреческом историописании, лица, которые своей деятельностью фактически обозначили возникновение этого направления.

Невозможно спорить с тем, что и Феопомп, и Эфор – весьма крупные представители античной исторической мысли. Но все-таки с Геродотом или Фукидидом их сопоставить трудно³⁶. Причина, пожалуй,

³² *Gagarin M. Antiphon the Athenian: Oratory, Law, and Justice in the Age of the Sophists. Austin, 2002. P. 88 ff.*

³³ В сущности, именно в рамках элитарной риторики Антифонт создал логографию (мастерство писать судебные речи для клиентов), которая впоследствии была профанирована мастерами куда меньшего масштаба, подвизавшимися на том же поприще.

³⁴ См. (именно в связи с Горгием): *Romilly J. de. Magic and Rhetoric in Ancient Greece. Cambr. Mass., 1975.*

³⁵ См. в данной связи прежде всего коллективный труд: *Isocrates and Civic Education / Ed. by T. Poulakos and D. Depew. Austin, 2004.*

³⁶ Особняком стоит Ксенофонт. Он получил не риторическое, а философское образование (у самого Сократа!) и сам ощущал себя именно как философ, да и другими воспринимался именно в качестве такового (характерно, что Диоген Лаэртский включил его в свой сборник биографий философов: *Diog. Laert. II. 48–59*). Историография Ксенофонта – это не риторическая историография, а, если так можно выразиться, вульгарно-философская историография. Да и стоит ли преувеличивать ее вульгарность? Да, Ксенофонт творит мифы (наиболее известен миф об идеальном правителе Кире в «Киропедии»). А разве Платон, которого никто уж не назовет вульгаризатором, не творил мифов? Миф об Атлантиде в «Тимее» и «Критии» (о котором см. теперь:

в том, что у историков IV в. до н.э. нарративное начало одерживает-таки победу над началом исследовательским, столь мощно присутствовавшим в трудах эллинских историков времени поздней архаики и ранней классики (VI–V вв. до н.э.). А ведь это, что бы ни говорить, «откат назад». Историописание как чистый нарратив мы наблюдаем, повторим снова и снова, даже еще и в Древнем Востоке, задолго до греков.

Заложенная последователями Исократ в период поздней классики традиция оставалась решительно преобладающей и в эпоху эллинизма. Среди историков этого времени отнюдь не правилом, а исключением является Полибий, работавший еще в классических традициях, ориентировавшийся в наибольшей степени на Фукидида. У Полибия действительно исследование преобладает над нарративом. Потому-то он с таким гневом обрушивается на Тимея, историка, в общем-то, тоже не маленького по масштабам³⁷, но все-таки являющегося в большей степени наследником методов «риторической историографии»³⁸. Мы бы сказали, пожалуй, что отношение Полибия к Тимею сродни отношению Фукидида к Геродоту, но просто Полибий был менее сдержан и, наверное, менее тонок, чем Фукидид (последний, критикуя своего предшественника, даже ни разу не упомянул его по имени).

Полибий с его «прагматическим» (то есть подчеркнуто нериторическим) историописанием³⁹ – среди своих эллинистических коллег почти одиночка. Может быть, стоит сопоставить с ним в качестве авторов, работавших в том же ключе, разве что некоторых второстепенных историков. Например, последнего аттидографа Филохора⁴⁰.

Бесспорно, следует констатировать вливание «варварской» струи в античную мысль в эпоху эллинизма. А «варварская» историографическая традиция чисто нарративна. Вспомним о таких фигурах, как

Видаль-Наке П. Атлантида: Краткая история платоновского мифа. М., 2012), миф о загробном царстве в «Государстве»... Эти мифы даже и по сей день оказывают колоссальное влияние на весь западный культурный дискурс.

³⁷ Достаточно напомнить, что счет «по олимпиадам», еще и ныне активно используемый при изучении древнегреческой истории, был введен именно Тимеем. О Тимее см.: *Baron C.A.* Timaeus of Tauromenium and Hellenistic Historiography. Camb., 2013.

³⁸ Которую иногда называют еще «трагической историографией». См. к вопросу: *Van der Stockt L.* Πολυβιάσασθαι? Plutarch on Timaeus and 'Tragic History' // *The Shadow of Polybius: Intertextuality as a Research Tool in Greek Historiography.* Leuven; P., 2005. P. 271–305.

³⁹ Каждый, кто читал Полибия в оригинале, знает, насколько скудны его язык и стиль. Правильно замечает А. Момильяно, что Лукиан в своем известном трактате о том, как следует писать историю, ориентирует читателя на Фукидида, а отнюдь не на Полибия (*Momigliano A.* *Studies in Historiography.* N.Y., 1966. P. 216).

⁴⁰ О нем см.: *Суриков И.Е.* Филохор, афинский историк эпохи раннего эллинизма // *Политика, идеология, историописание в римско-эллинистическом мире.* Казань, 2009. С. 65–73.

египтянин Манефон⁴¹, вавилонянин Берос и др. Они, будучи по менталитету представителями восточных культур, писали тем не менее по-гречески (это было уже престижным в новой ситуации), но при этом давали, пусть и на чужом для них языке, свое, а не греческое видение мира.

Между прочим, в ту же линию хорошо вписываются самые ранние римские анналисты – те, которые писали еще на древнегреческом языке. Интенция какого-нибудь Фабия Пиктора, в сущности, была той же самой, что у Манефона или Бероса, – рассказать об истории своей страны и своего народа представителям «главной цивилизации», каковой на тот момент являлась, естественно, греческая.

Но тут мы уже вступаем в область второй античной историографии – римской, о которой более пристало говорить уже не нам, а кому-либо из специалистов в области Древнего Рима.

Литература:

- Аверинцев С.С.* Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996.
- Бычков В.В.* Эстетика поздней античности (II–III века). М., 1981.
- Вейнберг И.П.* Рождение истории. Историческая мысль на Ближнем Востоке середины I тысячелетия до н.э. М., 1993.
- Видадь-Наке П.* Атлантида: Краткая история платоновского мифа. М., 2012.
- Зайцев А.И.* Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н.э. 2 изд. СПб., 2001.
- Карсавин Л.П.* Философия истории. СПб., 1993.
- Коллингвуд Р.Дж.* Идея истории. Автобиография. М., 1980.
- Лосев А.Ф.* Античная философия истории. М., 1977.
- Строгоцкий В.М.* Становление исторической мысли в Древней Греции и возникновение классической греческой историографии: Геродот, Фукидид, Ксенофонт. Ч. 1: Геродот. Нижний Новгород, 2010.
- Суриков И.Е.* Камень и глина: К сравнительной характеристике некоторых ментальных парадигм древнегреческой и римской цивилизаций // Сравнительное изучение цивилизаций мира (междисциплинарный подход). М., 2000. С. 273–288.
- Суриков И.Е.* Филохор, афинский историк эпохи раннего эллинизма // Политика, идеология, историописание в римско-эллинистическом мире. Казань, 2009. С. 65–73.
- Суриков И.Е.* Очерки об историописании в классической Греции. М., 2011.
- Суриков И.Е.* Полис, логос, космос: мир глазами элина. Категории древнегреческой культуры. М., 2012.
- Суриков И.Е.* Греческая архаика как историческая эпоха: современный взгляд. Вторая половина (VII–VI вв. до н.э.) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 5. С. 52–63.
- Суриков И.Е.* Философско-юридические концепции торговли и денежного обращения у греческих мыслителей архаической и классической эпох // Древнее право. 2014. № 2 (30). С. 8–24.
- Суриков И.Е.* Судьба оппозиционного интеллектуала: афинянин Антифонт – оратор, софист, правовед, политик // ВДИ. 2014. № 2. С. 13–33.

⁴¹ *Schneider T.* Periodizing Egyptian History: Manetho, Convention, and Beyond // *Historiographie in der Antike*. В.; N. Y., 2008. S. 181–195.

- Суриков И.Е.* «В круге первом»: Появление древнейших памятников европейского историописания (Греция VI–V вв. до н.э.) // Древнейшие государства Восточной Европы. 2013 год. Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья. М., 2016. С. 168–202.
- Хайдеггер М.* Разговор на проселочной дороге: Избранные статьи позднего периода творчества. М., 1991.
- Шичалин Ю.А.* 'Επιστροφή, или Феномен «возвращения» в первой европейской культуре. М., 1994.
- Шичалин Ю.А.* Античность – Европа – история. М., 1999.
- Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М., 1991.
- Balcer J.M.* Herodotus & Bisitun. Stuttgart, 1987.
- Varon C.A.* Timaeus of Tauromenium and Hellenistic Historiography. Cambr., 2013.
- Dougherty C.* The Raft of Odysseus: The Ethnographic Imagination of Homer's *Odyssey*. Oxf., 2001.
- Fowler R.* Herodotus and his Prose Predecessors // The Cambridge Companion to Herodotus. Cambr., 2006. P. 29–45.
- Gagarin M.* Antiphon the Athenian: Oratory, Law, and Justice in the Age of the Sophists. Austin, 2002.
- Harding Ph.* The Story of Athens: The Fragments of the Local Chronicles of Attika. L. – N.Y., 2008.
- Isocrates and Civic Education / Ed. by T. Poulakos and D. Depew. Austin, 2004.
- Jacoby F.* Atthis: The Local Chronicles of Ancient Athens. Oxf., 1949.
- Jacoby F.* Die Fragmente der griechischen Historiker. Teil 3b. A Commentary on the Ancient Historians of Athens. Vol. 1–2. Leiden, 1954.
- Kahn C.H.* Writing Philosophy: Prose and Poetry from Thales to Plato // Written Texts and the Rise of Literate Culture in Ancient Greece. Cambr., 2003. P. 139–161.
- Malkin I.* The Returns of Odysseus: Colonization and Ethnicity. Berkeley, 1998.
- Momigliano A.* Studies in Historiography. N. Y., 1966.
- Momigliano A.* Essays in Ancient and Modern Historiography. Oxf., 1977.
- Momigliano A.* The Classical Foundations of Modern Historiography. Berkeley, 1990.
- Montiglio S.* From Villain to Hero: Odysseus in Ancient Thought. Ann Arbor, 2011.
- The New Simonides: Contexts of Praise and Desire / Ed. by D. Boedeker, D. Sider. Oxf., 2001.
- Pearson L.* The Local Historians of Attica. Repr.ed. Ann Arbor, 1981.
- Romilly J. de.* Magic and Rhetoric in Ancient Greece. Cambridge Mass., 1975.
- Schneider T.* Periodizing Egyptian History: Manetho, Convention, and Beyond // Historiographie in der Antike. B.; N. Y., 2008. S. 181–195.
- Seaford R.* Money and the Early Greek Mind: Homer, Philosophy, Tragedy. Cambr., 2004.
- Thinking, Recording, and Writing History in the Ancient World / Ed. by K.A. Raaf-laub. Oxf., 2014.
- Van der Stockt L.* 'Πολυβιάσασθαι'? Plutarch on Timaeus and 'Tragic History' // The Shadow of Polybius: Intertextuality as a Research Tool in Greek Historiography. Leuven – P., 2005. P. 271–305.
- Vernant J.-P.* Myth and Thought among the Greeks. L., 1983.